

АНТРОПОЛОГІЧНІ ШУКАННЯ

УДК 316.728+304.444

Е. В. ХОДУС^{1*}

^{1*} Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ИНТЕРПАССИВНОСТЬ КАК СУБЪЕКТИВНЫЙ ЭФФЕКТ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАКУЛЬТУРЫ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Цель работы. В рамках настоящей статьи исследовательский интерес фиксируется непосредственно на обстоятельствах тематизации обращения к личному/приватному как интерпассивной практике субъективного жизнетворчества, опосредованной современными медиадискурсами. **Методология.** Методологическими основаниями исследования современного опыта субъектности являются эвристические возможности «онтологического поворота» в социальной теории, позволяющего рассматривать субъектность не как данность, а как процессуальный феномен, перформативность, существующую в условиях нестабильной онтологий, мире без гарантий, опосредованном, при этом, медийными репрезентациями. Особый акцент делается на деконструкции традиционных оппозиций «объективное/субъективное», «публичное/приватное», «активное/пассивное». Отсюда – особый интерес к проблематике приватности как «месту», в котором современный субъект нестабильных онтологий предпочитает реализовывать свою самость. Обосновывается необходимость учитывать кроме рациональных оснований формирования субъектности эмоциональные, социокультурные компоненты. На эпистемологическом уровне такой подход предполагает признание различных видов качественных, интерпретативных, герменевтических процедур как релевантных и эвристичных для интерпретации культурных аспектов существования субъектности. **Научная новизна.** Доказывается, что в условиях современной медийной культуры субъект оказывается не столько пассивным созерцателем, наблюдателем, собирателем информации и событий, репрезентированных соответствующими заинтересованными агентами. Он одновременно активно воспроизводит себя в форме «осознаваемой приватности», допускающей особый режим переживания приватных эмоций «наедине со всеми». Осознаваемая приватность, хотя и оставляет за индивидом право индивидуального контроля над личным пространством и личным высказыванием (к примеру, через личный и индивидуальный электронный доступ к цифровой репрезентации реальности), тем не менее, предполагает определенные техники «публикации» себя. Ставится вопрос об интерпассивной природе подобной практики субъективного жизнетворчества. **Выводы.** Предлагаемая исследовательская оптика позволяет утверждать, что человек остается мирообразующим существом, активно конструирующим свою персональную реальность, однако, когда такая реальность оказывается опосредованной медийными репрезентациями, жизненный мир превращается в готовый код, соответственно, активное конструирование становится излишним. Напротив, интерпассивность как «активность через другого» становится определяющим принципом отношения к миру.

Ключевые слова: субъектность, медиатизация, приватность, спектализация, интерпассивность

Актуальность темы исследования

Последние десятилетия отмечены стремительным ростом информационно-коммуникативных технологий. Эти технологии стали одним из основных факторов, определяющих не только технологические, но и культурно-антропологические параметры организации современного социума, меняющих порядок взаимодействия, как на уровне социальных институтов, так и на уровне индивидуальных практик. Анализируя воздействие современных медийных технологий на общество, Г. Маклюэн показывает, что «новые средства и технологии, посредством которых мы расширяем и выносим себя вовне, составляют в

совокупности колоссальную хирургическую операцию, проводимую на социальном теле. Следует принимать во внимание неизбежность того, что во время операции изменению подвергается вся система» [9, с.36-35]. Медиа сегодня не просто изображают социальную действительность, но и многократно вмещиваются в ее смысловые характеристики, превращаясь при этом в одну из основных инстанций социализации общества: они формулируют актуальные общественные мессиджи, ориентируют в отношении доминантных ценностей и представлений о желательной нормальности. Именно медиа устанавливают сегодня «правила чувствования» в том смысле, что придают образное (в первую очередь) и вербальное выражение

АНТРОПОЛОГІЧНІ ШУКАННЯ

социальным изменениям с помощью производства желаний, иллюзий, настроений, чувств, которые имеют огромное воздействие на аудиторию. Онтологический парадокс тотальной медиатизации реальности заключается в том, что этот процесс разрушает традиционное противопоставление объективного и субъективного, публичного и частного, активного и пассивного, трансформируя герменевтический горизонт современного повседневного опыта бытийствования. Как пишет С. Жижек: «этот опыт базируется на трех линиях разделения: между «настоящей жизнью» и ее механической симуляцией; между объективной реальностью и нашим ложным (иллюзорным) ее восприятием; между моими мимолетными волнениями, чувствами, состояниями, и так далее, и незыблемым стержнем моего Я» [7, с. 229]. Границы между каждой из этих пар находятся сегодня под угрозой. Такое исчезновение границ ставит под угрозу, прежде всего наше элементарное восприятие «Я» как неповторимой единичности/автономии (обладающей тем, что принадлежит мне и контролируется только мною; частное «я» в этом случае есть все то, что не является предметом законной обеспокоенности других) в ее отношении с общим/внешним (тем, что мы безболезненно для самости можем предъявить пристальному взгляду «другого»). Традиционная оппозиция и разведение публичной и частной сферы сегодня перевернуты, о чем, к примеру, говорит и П. Вирно: «То, что было строго разделено, смешивается, накладывается одно на другое. Трудно сказать, где заканчивается коллективный опыт и где начинается опыт индивидуальный. Трудно отделить общественный опыт от так называемого частного» [3, с. 16]. С точки зрения сегодняшних реалий, сама частность как право индивидов быть наедине с самими собой оказывается весьма проблематичной.

Характерным симптомом тотальной медиатизации реальности является трансформация самого характера субъективации как процесса, посредством которого индивид раскрывает свою самость. В современных условиях с одной стороны – происходит прогрессирующая субъективация как процесс освобождения собственного «Я» на основе свободного выбора. В этом

смысле медийное поле культуры действительно предоставляет нам избыток опций для активной персонализации собственных желаний, суждений, способностей и даже идентичностей. К примеру, особенности коммуникации в социальных сетях нарушают привычную морально-законную норму «одна личность – одно тело» и позволяют вписать «Я» во множество тел, существующих в/вне единой личности. С другой стороны – наблюдается противоположно направленный процесс – прогрессирующая экстернизация жесткого стержня субъективности в том смысле, что частное «Я» стремительно утрачивает статус собственно частного (тайного, интимного, скрытого). Среднестатистический индивид посредством медийных дискурсов оказывается как бы "вывернутым наружу". Согласно актуальной модальности, такой индивид уже не самодостаточен, фокус его внимания находится во внешнем/публичном пространстве, приватизированном медиа. В свою очередь интегрированность современного индивида в симулятивную/ виртуальную сеть социальных коммуникаций стимулирует не столько активную, сколько ре-активную сторону его субъективности.

Цель исследования

Соответственно в рамках настоящей статьи исследовательский интерес фиксируется непосредственно на обстоятельствах тематизации «обращения к личному/ частному» как интерпассивной практике субъективного жизнетворчества, опосредованной современными медиа-дискурсами. Заметим, что социальные и антропологические эффекты «цифровой культуры» - тема активной научной рефлексии, присутствующая в работах Д. Белла, И. Кастельса, Г. Маклюэна, П. Верильо, З. Баумана, Р. Сенета, Ж. Бодрийяра. В целом критически оценивая процессы «тотальной информатизации», исследователи отмечают постоянно растущее влияние визуального компонента, прежде всего на структуру ментального комплекса индивида вследствие усиления роли «новых медиа». В мир новых медиа включаются: всемирная паутина и интернет сайты, мультимедиа, компьютерные игры, интерактивные инсталляции в искусстве, компьютерная анимация, цифровое видео и фотография,

АНТРОПОЛОГІЧНІ ШУКАННЯ

фотореалистическая графика, кино и интерфейс, человек-компьютер, медиа-кентавры, основанные на конвергенции "новых" и "старых" медиумов [9].

Изложение основных результатов

Итак, в условиях современного социума совершенно очевидно, что место индивида в общественной жизни – и как автора (то есть в отношении с другими), и как субъекта (то есть в его отношении с самим собой) – стало значительнее, чем прежде, обусловлено ситуацией «медиатизации» реальности. Речь идет о технологиях виртуализации реальности как о феномене конца XX века, об опосредовании человеческих взаимодействий цифровой репрезентацией, непрерывно проникающей в нашу повседневную жизнь и существенно меняющей механизмы социального конструирования. Телевидение и другие «мейнстримовые» медиа создают новую реальность, преобразуя общество в пространство гиперсимволической интеракции, где исчезают границы между образом, симулякром и реальностью. Новая реальность воспринимается как другая, но полноправная часть объективной реальности. Описывая логику социальной жизни в условиях позднекапиталистического потребительского общества, С. Жижек отмечает, что «материальная реальность, которую все мы видим и ощущаем, является виртуальной, порождаемой и управляемой гигантским мегакомпьютером, к которому все мы присоединены» [6, с. 198]. Таким образом, ментальный ландшафт современного общества превращается в хаотическое множество созданных на цифровой основе символов, образов, звуков, заголовков и всех связанных с ними значений, порождая специфическое переживание мира – мира – как хаоса, лишённого причинно-следственных связей и ценностных ориентиров, «мира децентрированного», предстающего сознанию в виде разрозненных и неупорядоченных фрагментов [8].

В обозначенных социокультурных обстоятельствах медийные культурные формы превращаются во влиятельных агентов социализации, «продвигая» актуальные визуально видимые и опознаваемые культурно-символические коды – ценности, устремления, типы, идентитеты и создавая, наряду с

паноптической (в терминологии М. Фуко), синоптическую конституцию общества. Синоптикон как современный механизм власти представляет собой переход от ситуации, когда меньшинство наблюдало за большинством, к ситуации, когда все происходит с точностью до наоборот [1, с. 76-79]. Если главной задачей Паноптикона (как метафоры для определения общества в значении жесткой дисциплинарной системы) было прививать членам общества дисциплину и заставить их вести себя по единому образцу на основе использования силовой власти, то Синоптикону (как новой форме социального контроля) принуждать никого не нужно – он действует методом соблазна. Интерактивность «новых медиа» превращает теперь наблюдаемых в наблюдателей. Как показывает З. Бауман «где бы они ни были, и куда бы ни направлялись, у них есть возможность – и желание – подключиться к экстерри-ториальной сети, позволяющей большинству наблюдать за меньшинством» [1, с. 78].

Не случайно для описания ценностной картины социальной жизни сегодня все чаще используется метафора «спектакля/театрализации». Реальная человеческая жизнь все больше приобретает сценический характер. Этот факт отмечает Ги Дебор, утверждая, что в обществе происходит фактическая инверсия реальности и спектакля: «понятие спектакля объединяет и объясняет огромное множество видимых явлений. Спектакль, рассматриваемый согласно его собственной организации, есть утверждение видимости, утверждение всякой человеческой, то есть социальной жизни как видимости» [5, с. 25]. Следуя логике Ги Дебора, множественность определений спектакля можно свести к следующей дефиниции, выражающей наиболее характерные черты понятия: спектакль есть род деятельности, который заключается в том, чтобы говорить от имени других; чем больше человек созерцает происходящее вокруг, тем менее он живет своей собственной жизнью, меньше понимает смысл своего собственного существования и осознает собственные желания. Спектакли включают множество проявлений, среди которых драматизация публичных событий, обширный поток визуальной продукции, экстравагантное поведение, мегасобытия и т.д. Многие исследователи подчеркивают, что спектакли

АНТРОПОЛОГІЧНІ ШУКАННЯ

все в большей степени моделируют политическую и социальную жизнь. Живя в обществе спектакля, индивид не создает себя (процессы социализации и идентификации — лишь видимость, порожденная легитимирующими такое общество дискурсами), а создает своеобразную независимую силу или мощь. Ги Дебор прямо называет наш мир «реально обращенным», где истинное есть момент ложного, где под влиянием царящего вокруг спектакля сама действительность, заполняемая созерцанием спектакля, изменяется и в самой себе репродуцирует зрительный порядок. Неизбежное следствие тотальной театрализации повседневности заключается в том, что индивид «внезапно начинает подозревать, что мир, в котором он живет, является спектаклем, разыгрываемым перед ним, чтобы убедить его в реальности этого мира, а люди, окружающие его, в действительности простые актеры, занятые в гигантском представлении» [6, с. 196]. Таким образом, понятие спектакля акцентирует внимание на переходе к перенасыщенному образами обществу, где реклама, развлечения, масс медиа и другие виды индустрии культуры все в большей степени определяют социальную жизнь, вытесняя живой опыт и активное социальное участие.

Такая медийная интервенция в различные сферы социальной жизни и лакуны повседневности приводит к своеобразной антропологической реверсии: приспособляясь к пространству медиакультуры, человек сам становится сервисным механизмом, обслуживающим воспроизводство и развитие технологической машины. Человек мутирует, становясь по образному выражению Г. Маклюэна "половым органом машинного мира". Более того, возникает особое эротическое тяготение между медиа/техно объектами и людьми. Г. Маклюэн настаивает, что подобное обращение означает блокирование нервной системы, отключение рациональной регуляции и активности восприятия, что ведет к преобладанию бессознательной нарциссической апатии (наркотический эффект медиа). Очевидно, что логика спектализации коренным образом меняет мировосприятие современного индивида. Согласно Ги Дебору, интенсивность социальных и технологических изменений в соединении со скоростью изменяющихся телевизионных образов

способствуют превращению непосредственного опыта в абстрактные образы и создают постоянную эфемерность, фрагментированность и разорванность социального бытия. В условиях «общества развлечений» люди пассивно «потребляют» образы, переставая быть творческими и мыслящими индивидами [5, с. 84]. В итоге общество спектакля, производимое посредством современной технологии, создает предпосылки для абстрактной и мистифицированной реальности, когда люди становятся наблюдателями своих собственных жизней, исполнителями ролей, живущими в условиях атомизации и всеобщего отчуждения.

В таких условиях доминирующей формой субъективного переживания реальности, опосредованной актуальным медийным дискурсом, становится прогрессирующая инфантилизация как практика «ухода в приватность/частное», где приватность выступает пространством «глобального бегства», местом своеобразного освобождения от постоянного гнета чувства долга, обязанностей, присущих высоко-рационализированным социальным системам. Инфантильные индивиды отличаются более слабым «Я», неспособным на независимость, социальную солидарность, их отличает ослабленная эмоциональная привязанность к другим при одновременном стремлении к конформному поведению. При этом такое «инфантильное Я» оказывается необычайно восприимчивым, особенно внушаемым и легко попадает под влияние рекламы, авторитетных лидеров [11]. Слабое «Я» (инфантильные, нарциссические индивиды) могут быть легко объединены в эрзацные формы коллективности, лишённые реальной солидарности.

Пример такой формы коллективности — сообщества, возникающие на основе компьютерных коммуникаций; они существуют и действуют преимущественно как движение текстов и образов на плоскости экрана, за которым, однако, четко просматривается существование некоторой социальной структуры. Для многих людей виртуальное общество даже более реально, чем "реальный" социум, поскольку виртуальная жизнь становится прибежищем эскапизма, бегства от реальности опостылевшей повседневности - "места, где я не могу жить" - с ее проблемами на работе, финансовыми

АНТРОПОЛОГІЧНІ ШУКАННЯ

трудностями, неприятностями в семье и личной жизни, с ее страхами, болью и горестями. В этом случае виртуальное общение дает возможность замаскироваться, спрятаться, создать иллюзорную идентичность, например, с помощью фотографий (при этом тщательно отобранных и отредактированных), которые мы выкладываем на своих страницах в «Facebook», «В контакте», «Одноклассниках», «ЖЖ» и т.д. с целью эффектно самопрезентовать себя, привлечь внимание к себе. При этом социальное одобрение выражается в комментариях к фотографиям, в количестве людей, нажавших кнопку "Мне нравится", да и просто в числе лиц, посетивших твою страницу. У кого этих "знаков внимания" много, тот успешен и социально адекватен, у кого мало – тот аутсайдер.

В результате современный индивид выступает не только в качестве вечного зрителя, но и вечного актера, участвующего в грандиозной постановке. Этот факт отмечает и Ж. Бодрийяр, утверждая, что «зрители в наше время становятся актерами, они заменяют собой исполнителей главных ролей и под взором средств массовой информации ставят свой собственный спектакль, гораздо более завораживающий, чем обычное представление» [2, с. 114]. Отсюда, к слову, небывалая популярность уже который год разнообразных талант-шоу на украинском ТВ – одаренные и не очень украинцы спешат попасть в телевизор. Телевидение все больше апеллирует к приватному/личному, сосредотачивает свое внимание на ток-шоу, реалити-шоу, «реальном телевидении», то есть на программах, выводящих на экран «обычных людей», которые рассказывают о себе, о своем личном опыте или проживают на площадке свою повседневную жизнь. Факт представления на телевидении слова не общественным фигурам, а обыкновенным, ничем не примечательным людям, представляет собой значимый поворот в отношениях между сферой общественного и частного.

Распространение подобных телевизионных форм, а также культуры интернета, в любом случае дает основания говорить о том, что произошла "революция контроля", которая невероятно быстро сделала дискурсивные практики общения "многих-со-многими" и универсальный доступ в глобальную телекоммуникационную сеть естественной

(привычной, незамечаемой) частью повседневной жизни. Вся эта индивидуальная свобода и персонализация имеют следствием возможность обходить многие препятствия и уклоняться от внешнего контроля [4]. Теперь каждый становится хозяином своей жизни и должен выработать жизненные ориентиры, совершив свой выбор. Поэтому личный опыт приобретает центральное значение. Однако собственный опыт может быть адекватно оценен лишь в сравнении его с опытом других людей. Отсюда значение разнообразных медиаинститутов как практик разделения чужого опыта и сопоставления с ним собственной жизни. Эти медиаинституты как формы «обобщенного другого» фундаментально изменяют соотношение между сферой человеческого и его окружением, детерминируя появление виртуальной социальности, которую можно рассматривать как вариант «осознаваемой приватности» (в отличие от реальной/ настоящей приватности, возникающей из реальной изоляции, из помещения самого себя за закрытые двери, глухие стены). Осознаваемая приватность вырастает из ощущения того, что пока другие, возможно, смотрят на тебя, тебе разумнее притвориться, что это не так. То есть ирония ситуации заключается в том, что осознаваемая приватность, хотя и оставляет за индивидом право индивидуального контроля над личным пространством (к примеру, через личный и индивидуальный электронный доступ к цифровой репрезентации реальности), тем не менее, предполагает определенные техники «публикации себя», включающие режим вовлеченности (в терминологии Л. Тевено), основанный на принципе «наедине со всеми».

Выводы

Таким образом, в мире всепроникающей цифровой реальности пространство приватного/личного, опосредованное «новыми медиа», существует в промежуточном режиме вовлеченности/задействованности (как способе практической координации социальных взаимодействий), одновременно сочетающем собственно приватность, основанную на доверии, близости и публичное обоснование (оправдание). Частное и публичное становятся пространственно переплетающимися, приватность, как таковая радикально трансформируется. Наиболее интимные проявления

АНТРОПОЛОГІЧНІ ШУКАННЯ

частной сферы теряют свой персональный характер части внутреннего мира человека. Многие из того, что раньше носило сугубо приватный характер, начинает существовать вне физического тела – в виде цифровой информации, оставляемой личностью в информационном пространстве как социальной сцене, информации, которая все больше направлена на управление производимым впечатлением.

В таком контексте было бы ошибочным рассматривать «уход в приватность» как сугубо пассивную практику жизнотворчества. Скорее такая практика интерпассивна в том смысле, что современный индивид, будучи активно вовлеченным в поле медийной культуры в качестве зрителя, существует как некая двойственность – как пассивность и активность одновременно. Как замечает С. Жижек: «я больше не сижу, просто уставившись в экран, я все больше взаимодействую с ним, вступаю с ним в диалогические отношения (от выбора программ через участие в дебатах в виртуальном сообществе, форумах по интересам до непосредственного влияния на сюжет в так называемых «интерактивных нарративах»)» [7, с. 203]. Мультимедийные коммуникационные сети позволяют огромному количеству людей выйти за пределы их приватного мира, особым образом участвовать в событиях, разыгрываемых в медийном «спектакле». Процесс этот весьма увлекателен и зачастую зрители полностью отождествляют себя со зрительским местом, отсюда возникает чувство уверенности в собственной, в том числе и физической, неуязвимости. Например, революционные события зимы 2014 года в Киеве – штурм Майдана, обстрелы баррикад, люди наблюдали непосредственно как зрелище с выражением живого интереса на лице, несмотря на то, что их собственная жизнь находилась под непосредственной угрозой. Зритель слишком привык, что, смотря на экран, он находится с другой стороны событий. Интерпассивность как раз и проявляет себя в том, что наблюдая медийное шоу, современный индивид продолжает вести свое повседневное существование – зарабатывать деньги, делать карьеру, испытывать разнообразные эмоции, но посредством «Другого», делающего что-то вместо меня. Согласно логике С. Жижера интерпассивность есть нечто иное как «активность через другого». Раскрывая

природу интерпассивности, Жижек отмечает, что «необходимым дополнением моего активного взаимодействия с объектом вместо пассивного наблюдения за шоу является ситуация, когда объект забирает у меня, лишает меня моей собственной пассивной реакции удовлетворения (или грусти, или смеха). Когда объект сам непосредственно «наслаждается шоу» вместо меня, освобождая меня от наложенной супер-эго обязанности наслаждаться самому» [7, с. 201].

Ирония ситуации в том и состоит, что превращаясь в «манипулируемый узел желаний», современный индивид испытывает чувства неудовлетворенности, страх перед пустотой, отсутствие событий. Разумеется, события происходят всегда и везде. Но иногда время кажется «полотном, на котором сохнут краски. Пустота времени – это пустота мысли» [10, с. 41]. По мысли Л. Свендсена, причина коренится в недостатке персонального смысла и «именно этим объясняется то, что все объекты и события мы воспринимаем как готовые коды» [10, с. 43]. Человек – мирообразующее существо, активно конструирующее свою персональную реальность, однако, когда такая реальность оказывается опосредованной медийными репрезентациями, жизненный мир превращается в готовый код, соответственно, активное конструирование становится излишним.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества [Текст] / З. Бауман. – М.: Изд-во «Весь мир», 2004. – 188 с.
2. Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла [Текст] / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, КДУ., 2006. – 258 с.
3. Virno, Paolo. A Grammar of the Multitude: For an Analysis of Contemporary Forms of Life. - New York: Semiotext (e) / Foreign Agents, 2003 – 117 s.
4. Галкин, Д.В. Современные исследования цифровой культуры (вместо предисловия к переводу фрагмента книги Чарли Гира "Цифровая культура") [Электронный ресурс] / Д.В. Галкин // Гуманитарная информатика: Открытый междисциплинарный электронный журнал. –2007. – Вып.2. – Режим доступа: <http://huminf.tsu.ru/ejurnal/magazine/2/galkin2.htm> – Загл. с экрана.

АНТРОПОЛОГІЧНІ ШУКАННЯ

5. Дебор, Г. Общество спектакля [Текст] / Г. Дебор – М.: Логос, 2000. – 224 с.
6. Жижек, С. Добро пожаловать в пустыню Реального! [Текст] / С. Жижек // 13 опытов о Ленине. – М.: Ad Marginem, 2001.– С. 196-212.
7. Жижек, С. Чума фантазий [Текст] / С. Жижек: пер. с англ. – Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2014. – 388 с.
8. Ильин, И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм [Текст] /И.П. Ильин. – М.: Интрада, 1996. – 413 с.
9. Маклюэн, М. Понимание медиа: Внешние расширения человека [Текст] / М. Маклюэн. – М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. – 464 с.
10. Свендсен, Л. Философия скуки [Текст] / Л. Свендсен. – Москва Прогресс – Традиция, 2003. – 256 с.
11. Хоркхаймер, М. Диалектика просвещения [Текст] / М. Хоркхаймер, Т. Адорно. – М. – СПб., 1997. – 456 с.

О. В. ХОДУС^{1*}

^{1*} Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

ІНТЕРПАСИВНІСТЬ ЯК СУБ'ЄКТИВНИЙ ЕФЕКТ СУЧАСНОЇ МЕДІАКУЛЬТУРИ: ДО ПОСТАНОВКИ ПРОБЛЕМИ

Мета роботи. У рамках наданої статті дослідницький інтерес фіксується безпосередньо на обставинах тематизації звернення до приватності як інтерпасивної практики суб'єктивного досвіду життєтворчості, опосередкованого сучасними медіадискурсами. **Методологія.** Методологічною підставою дослідження сучасного досвіду суб'єктивності є евристичні можливості «онтологічного повороту» у соціальній теорії, що дозволяє розглядати суб'єктивність не як даність, а як процесуальний феномен, певну перформативність, існуючу в умовах нестабільної онтології, світу без гарантій, опосередкованому, медійними репрезентаціями. Особливий акцент робиться на реконструкції традиційних опозицій «об'єктивне/суб'єктивне», «публічне/приватне», «активне/пасивне». Звідси - безпосередній інтерес до проблематики приватності як «місця», в якому сучасний суб'єкт нестабільних онтологій прагне реалізувати свою самість. **Наукова новизна.** Доводиться, що в умовах сучасної медійної культури суб'єкт виявляється не стільки пасивним спостерігачем, збирачем інформації та подій, репрезентованих відповідними зацікавленими агентами. Він одночасно активно відтворює себе у формі «усвідомлюваної приватності», яка допускає особливий режим переживання приватних емоцій «наодинці з усіма». Усвідомлювана приватність, хоча і залишає за індивідом право індивідуального контролю над особистим простором і особистим висловлюванням (наприклад, через особистий та індивідуальний електронний доступ до цифрової репрезентації реальності), проте, передбачає певні техніки «публікації» себе. Ставиться питання про інтерпасивну природу подібної практики суб'єктивного життєтворчості. **Висновки.** Пропонована дослідницька оптика дозволяє стверджувати, що людина залишається світоутворюючою істотою, яка активно конструює власну персональну реальність, однак, в разі, коли така реальність виявляється опосередкованою медійними репрезентаціями, життєвий світ перетворюється на готовий код, відповідно, активне конструювання стає зайвим. Навпаки, інтерпасивність як «активність через іншого» стає визначальним принципом ставлення до світу.

Ключові слова: суб'єктивність, медіатизація, приватність, спекталізація, інтерпасивність

АНТРОПОЛОГІЧНІ ШУКАННЯ

H. V. KHODUS^{1*}^{1*} Oles Honchar Dnepropetrovsk National University (Ukraine)**INTERPASSIVITY AS A SUBJECTIVE EFFECT OF MODERN MEDIA-CULTURE: TO THE STATEMENT OF PROBLEM**

The purpose. In this article, research interest is fixed directly on the circumstances theming access personal / private as interpassivity practice of subjective life and creativity, which are mediated by modern media discourse. **Methodology.** Methodological base of research of contemporary experience of subjectivity is heuristic "ontological turn" in social theory, which allows to consider the subjectivity not as a reality (given), but as a procedural phenomenon, performativity, which exist in conditions of unstable ontologies, world without guarantees, indirect, thus, mass-media representations. Particular emphasis is placed on the deconstruction of traditional oppositions "objective/subjective", "public/private", "active/passive". As a result, a special interest in issues of privacy as "the place" in which the modern subject unstable ontology prefers to realize its self. **Scientific novelty.** It is proved that in the modern media culture, the subject is not so much a passive spectator, observer, collector information and events to represent relevant interested agents. He also actively reproduces itself in a form of "perceived privacy", which allows special mode of the experiences of private emotions "alone with everybody." Perceived privacy, although the individual reserves the right to individual control over personal space and personal statement (for example, through personal and individual electronic access to digital representations of reality), however, suggests certain techniques of "publication" themselves. It is the question of the interpassivity nature of such practices subjective life and creativity. **Conclusions.** Proposed research optics suggests that the person remains - the world-making being, who actively constructs their personal reality, however, when this reality is mediated by media representations, life world turns into a ready code, respectively, the active construction becomes superfluous. On the contrary, interpassivity as «activity through another» becomes the defining principle of relationship with the world.

Keywords: subjectivity, mediatization, privacy, performance, interpassivity

REFERENCES

1. Bauman, Z. *Globalizatsiia. Posledstviia dlia cheloveka i obshchestva* [Globalization. The Human Consequences]. Moscow, Ves mir Publ., 2004. 188 p.
2. Bodriyyar, Zh. *Prozrachnost zla* [The Transparency of Evil]. Moscow, Dobrosvet Publ., 2006. 258 p.
3. Virno, Paolo. *A Grammar of the Multitude: For an Analysis of Contemporary Forms of Life*. - New York: Semiotext (e)/ Foreign Agents, 2003 – 117 p.
4. Galkin, D. *Sovremennye issledovaniya tsifrovoi kultury (vmesto predisloviia k perevodu fragmenta knigi Charli Gira "Tsifrovaia kultura")* [The modern studies of digital culture]. Gumanitarnaia informatika: Otkrytyi mezhdistsiplinarnyi elektronnyi zhurnal, 2007, vol. 12. Available at: <http://huminf.tsu.ru/e-jurnal/magazine/2/galkin2.htm>.
5. Debor, G. *Obshchestvo spektaklia* [Spectacle Society]. Moscow, Logos Publ., 2000. 224 p.
6. Zhizhek, S. *Dobro pozhalovat v pustynyu Realnogo!* [Welcome to the Desert of the Real]. Moscow, Fond Pragmatika kultury Publ., 2002. 160 p.
7. Zhizhek, S. *Chuma fantaziy* [Plague of Fantasies]. Kharkov Gumanitarnyy tsentr Publ., 2014. 388 p.
8. Ilin, I. *Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm* [The Poststrukturalizm. Deconstruction. Postmodernism]. Moscow, Intrada Publ., 1996. 413 p.
9. Maklyuen, M. *Ponimanie media: Vneshnie rasshireniia cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man]. Moscow, Kanon-press-Ts, Kuchkovo pole Publ., 2003. 256 p.
10. Svendsen, L. *Filosofia skuki* [The philosophy of boredom]. Moscow, Progress, Traditsiya Publ., 2003. 256 p.
11. Khorkkhaymer, M., Adorno, T. *Dialektika prosveshcheniia* [Dialectic of Enlightenment]. Moscow, 1997. 456 p.